

Право как «самое святое, что есть у Бога на земле»

Рассматривается проблема исполнения решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) с учетом изменений, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, а также с учетом позиций Конституционного Суда РФ, соответствующих законодательных изменений. Обосновывается, что толкование данных изменений как опровергающих обязательную силу постановлений ЕСПЧ является ошибочным.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Конституционный Суд РФ; права человека; свобода совести; ограничение прав и свобод человека.

В настоящее время в Конституции России есть упоминание Бога, но стало ли наше право достойным того, чтобы его назвать вслед за Иммануилом Кантом самым святым, что есть у Бога на земле?¹

Наша Конституция исходит из признания естественных свобод и прав человека. В то же время создается впечатление, что наш законодатель полагает, что именно он наделяет правами и свободами, не осознавая того, что на самом деле он осуществляет вмешательство в естественные свободы и права человека.

Когда мы говорим о международных стандартах в области прав и свобод человека, нужно обязательно учитывать, что международные акты в области прав и свобод человека на самом деле не устанавливают этих прав и свобод, а направлены на защиту и эффективную защиты этих прав и свобод [12]. Это можно увидеть, в частности, из названия – «Европейская конвенция о *защите* основных свобод и прав человека».

В Конституции РФ заложен вектор для правильного определения приоритета конституционных ценностей и недопущения возобладания публичных интересов над правами человека: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Эти положения Конституции РФ являются инструментом для толкования Конституционным Судом РФ положений других норм права: «Согласно Конституции РФ в РФ как демократическом, правовом и социальном государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства; каждый гражданин РФ обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ (ч. 1 ст. 1; ст. 2; ч. 2 ст. 6; ст. 7). Исходя из этого, в РФ права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются на основе принципа равенства; согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием; при этом государственная защита прав и свобод человека и гражданина в РФ гарантируется (ч. 1 ст. 17; ст. ст. 18 и 19; ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). Названные положения

* **Айдар Рустэмвич Султанов**, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (г. Нижнекамск).

¹ А также вслед за мэтром российского права С. С. Алексеевым. Рекомендуем замечательную книгу мэтра: Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М. : Норма, 2019. – С. 7.

Конституции РФ, в их взаимосвязи, требуют от государства максимально широких гарантий реализации конституционных прав и свобод с тем, чтобы они были не иллюзорными, а реально действующими и эффективными. Соответствующие обязанности возлагаются – исходя из конституционных начал разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти – как на органы государственной власти РФ, так и на органы государственной власти субъектов РФ, а также на органы местного самоуправления. В единстве с закрепленной в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, является обязанностью государства охранять достоинство личности во всех сферах и тем самым утверждать приоритет личности и ее прав. Это означает, что во взаимоотношениях с государством личность выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который в силу ч. 2 ст. 45 Конституции РФ может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов (постановления Конституционного Суда РФ от 3.05.1995 № 4-П, от 2.07.1998 № 20-П и от 20.04.2006 № 4-П, определения Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 № 42-О, от 13.06.2006 № 272-О и № 274-О и др.)².

Такие стандарты толкования в полной мере соответствуют международно-правовым стандартам, и они должны быть не только инструментом толкования норм Конституционным Судом РФ, но и основой правоприменения для всех судов и государственных органов.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 и Протоколов к ней» судам было разъяснено, что «как следует из положений Конвенции и Протоколов к ней в толковании Европейского суда, **под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод...**

При этом в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке».

Обязанность государства охранять достоинство личности и утверждать приоритет личности и ее прав особенно актуальна в постатеистическом государстве, где еще живы традиции подавления инакомыслия и тоталитарной идеологии, где человек был винтиком государственной машины, скорее объектом государственного регулирования, а не равноправным субъектом, имеющим свободы, в том числе свободы убеждения и вероисповедания.

Должны применяться критерии о допустимости вмешательства в права и свободы, установленные Конвенции, такие как «предусмотрено законом», «является

---

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 и ст. 3 ФЗ “О порядке рассмотрения обращений граждан РФ” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области».

соразмерным» и «необходимым в демократическом обществе». Если вмешательство не соответствует данным критериям, то оно не может быть признано вмешательством, преследующим «законную цель».

Как разъяснил Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своих Постановлениях от 05.04.2007 по делу «Саентологическая церковь г. Москвы против Российской Федерации» и от 05.10.2006 по делу «Армия Спасения против РФ», «полномочия государства по защите своих институтов и граждан от объединений, которые могут подвергать их опасности, должны редко применяться, а исключения из правила свободы объединений должны быть строго истолкованы, и только убедительные и вынужденные причины могут оправдать ограничения в отношении свободы. Любое вмешательство должно соответствовать “экстренной социальной необходимости”. Таким образом, понятие “необходимо” не обладает гибкостью таких фраз, как “полезный” и “желанный”»³.

Нам пора уже признать истинное значение религии в обществе и согласиться с тем, что свобода мысли, совести и религии – основа демократического общества. Не секрет, что именно религиозная свобода была родоначальницей всех «естественных прав» [5].

На почве признания полной религиозной свободы [6, с. 39], отделения церкви от государства выросли американские «декларации прав» – отдельных штатов и всего союза – декларации, послужившие образцом знаменитому акту французского Национального собрания [Там же, с. 70] – Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Убедительное исследование немецкого юриста Г. Еллинека в книге «Декларация прав человека и гражданина» о корнях рождения концепции прав человека показывает, что именно стремление к религиозной свободе [2, с. 48–58, 60] стало причиной принятия Декларации штата Виргинии 1776 года, которая оказала сильнейшее воздействие на все последующие декларации прав человека [2, с. 74].

В 1988 году папа Иоанн Павел II сказал, что «гражданское и общее социальное право на религиозную свободу, поскольку оно затрагивает самую глубоко интимную сферу духа, предстает как опорная точка, а в известном плане также и становится мерилom всех других основных прав»⁴.

Замечательный российский правовед И. А. Покровский объяснял, что «духовные интересы составляют самое содержание, самую сущность человеческой личности – то, что дает ей ощущение ее подлинного «я» и от чего она не может отказаться, не переставая быть самой собою. Вот почему религиозные и нравственные убеждения способны бросить маленькую горсть людей, даже одного единственного человека, на самую решительную борьбу с огромным обществом, со всемогущим государством. Вот почему самый вопрос о неотъемлемых правах личности был поставлен впервые именно в этой области. Раз государственное или общественное вмешательство грозит сломать в человеке его самое ценное, грозит убить самую его духовную сущность, нет ничего удивительного, если он примет решение или отстоять себя, или погибнуть. Чем более растет человеческое самосознание, тем более растет и ценность духовной свободы. Борьба личности за свои права является, таким образом, в этой области борьбой за свободное целоположение, за нравственную свободу. Человек хочет свободно искать Бога и его правду, ибо только свободно признанный Бог есть Бог; принудительно навязанным может быть только идол» [8, с. 87–88].

³ См. также: Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Горзеллик и другие против Польши», § 94–95.

⁴ Цит. по: [7, с. 416].

Но, к сожалению, мы продолжаем наблюдать необоснованные, чрезмерные вмешательства в права и свободы человека, в том числе в сфере свободы мысли, совести и религии [9].

Так, в деле «Коростелев против России» ЕСПЧ в Постановлении от 12.05.2020, напомнив в очередной раз, что «свобода мысли, совести и религии является одной из фундаментальных основ демократического общества по смыслу Конвенции, которая представляет особую ценность как для верующих, так и атеистов, агностиков и скептиков», установил, что привлечение к дисциплинарной ответственности заявителя даже в самой мягкой форме такой ответственности – выговора представляло вмешательство в свободы, защищаемые ст. 9 Конвенции.

ЕСПЧ пришел к выводу, что вмешательство было осуществлено на основании закона – правил СИЗО, которые предусматривали ночной сон заключенных с 10 часов вечера до 6 часов утра. Тем не менее ЕСПЧ указал на недопустимость формального подхода к частному случаю с заявителем, в котором не был соблюден необходимый баланс между общественными и личными интересами. Он также подчеркнул важность совершения ежедневных намазов для заявителя, особенно во время Рамадана, притом что ничто в рассматриваемом деле не свидетельствовало о том, что А. Коростелев создавал какие-либо угрозы для распорядка следственного изолятора или безопасности. Он не использовал никаких опасных предметов и не настаивал на коллективных молитвах совместно с другими заключенными. Совершение намазов в одиночной камере СИЗО было бесшумным и не порождало иных раздражающих факторов. Молитвы не могли подорвать здоровье самого заключенного или привести к его истощению. Таким образом, ЕСПЧ счел, что вмешательство в права заявителя было неоправданным и носило чрезмерный характер, и установил нарушение ст. 9 Конвенции.

Российскому правоприменителю еще предстоит научиться применять критерии ограничения прав и свобод [10]. К сожалению, после принятия поправок в Конституцию РФ можно часто услышать нигилистический отклик о значении постановлений ЕСПЧ, как о необязательных.

После внесения поправок в Конституцию РФ и в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», были приняты законы о внесении изменений в процессуальные кодексы, а также ряд материальных законов⁵, в которых рассматривался вопрос о неприменении правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, с указанием, что такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом.

Однако толкование данных изменений как опровергающих обязательную силу постановлений ЕСПЧ является ошибочным. Фактически законодатель, используя не очень удачную юридическую технику, установил презумпцию (хотя и опровержимую) соответствия толкований ЕСПЧ и других межгосударственных органов Конституции РФ, поскольку, как ранее отмечал Конституционный Суд РФ, «права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, – это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ»⁶.

Само по себе включение в большое количество материальных законов положений о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в РФ. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом», является не чем иным, как прекращением спора о том, являются ли данные реше-

---

⁵ Подписанные Президентом РФ 08.12.2020 г.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2010 г. № 4-П.

ния источниками права, поскольку включение данных положений является признанием их таковыми до момента их опровержения.

Эта формулировка фактически уравнила постановления ЕСПЧ с нормами закона, в отношении них действует ровно такая же презумпция, что они считаются соответствующими Конституции РФ и могут быть признаны неконституционными только в порядке, установленном ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Тем более, что в Заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ, было дано обязательное конституционно-правовое толкование о том, что «данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие правомочия межгосударственных юрисдикций».

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ ссылается на данное заключение в других делах, равно как и продолжает ссылаться на практику ЕСПЧ. Так, в недавно вынесенном Постановлении Конституционного Суда РФ были выражены важные правовые позиции, имеющие отношение к рассматриваемой теме: *«Согласно Конституции РФ в России как в светском государстве никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст. 14), при этом каждому гарантируется свобода совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28). По смыслу положения ст. 67.1 (ч. 2) Конституции РФ о вере в Бога, переданной народу России предками, во взаимосвязи с ее ст. 14 и 28 государство не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным, не ставит граждан – вопреки ст. 19 (часть 2) Конституции РФ – в неравное положение в зависимости от наличия и направленности веры и призвано при реализации своей политики учитывать ту исторически значимую роль, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности (Заключение КС РФ от 16.03.2020 № 1-3). В отличие от прав, которые конкретизируют свободу вероисповедания в ее индивидуальном аспекте, т.е. могут быть реализованы каждым непосредственно, права религиозных объединений по своей природе являются коллективными, поскольку осуществляются гражданином совместно с другими. Из взаимосвязанных ст. 13 (ч. 4), 14, 19 (ч. 1 и 2), 28 и 30 (часть 1) Конституции РФ, а также ст. 9 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует, что свобода вероисповедания предполагает свободу создания религиозных объединений и свободу их деятельности на основе принципа юридического равенства, в силу чего федеральный законодатель, реализуя полномочия, вытекающие из ст. 71 (п. "в", "о") и 76 (ч. 1) Конституции РФ, вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания такого объединения юридическим лицом, порядок его учреждения, создания, государственной регистрации, определить содержа-*

ние его правоспособности. В практике ЕСПЧ свобода исповедовать религию со-обща с другими трактуется как косвенная гарантия свободы создания религиозных объединений, которые традиционно и повсеместно существуют в форме организованных структур и, следовательно, должны обладать необходимой правосубъектностью (постановления от 26.10.2000 по делу «Хасан и Чауш против Болгарии», от 13.12.2001 по делу «Бессарабская митрополия и другие против Молдавии», от 5.10.2006 по делу «Московское отделение Армии Спасения против России» и др.)⁷.

В другом Постановлении Конституционный Суд РФ, обосновывая, что **«религиозная организация сама может определять, привлекать ли новых последователей соответствующего вероисповедания и действовать в этом направлении путем широкого опубликования своей деятельности или поступать более избирательно»**, обратил внимание на недопустимость чрезмерного вмешательства государства в сферу свободы совести, гарантированной каждому ст. 28 Конституции РФ и признаваемой ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸.

Таким образом, слухи о необязательности Конвенции и постановлений ЕСПЧ безосновательны. Само по себе установление процедуры для рассмотрения в Конституционном Суде РФ вопроса об исполнимости решений межгосударственных органов усиливает угрозу фрагментации международного права. Как отмечает А. И. Ковлер, «...конфликты между Европейским судом по правам человека и национальными конституционными судами, ревниво оберегающими конституционный суверенитет... не только ослабляют европейскую систему защиты прав человека, но и дают негативный образ этой системы в остальном мире» [3].

Если мы принимали Конституцию РФ, «сознавая себя частью мирового сообщества», то на нас лежит ответственность за сохранение такого уникального правозащитного инструмента, как Европейская конвенция о защите основных свобод и прав человека, защищающей 870 млн человек в 47 странах.

Как гражданам России, нам бы хотелось, чтобы права и свободы человека в России соблюдались, а не были мечтой идеалистов. Граждане России вправе ссылаться на решения ЕСПЧ с разумным ожиданием, что его доводы, основанные на решениях ЕСПЧ, не будут проигнорированы [11].

Граждане России заслужили уважения их прав и свобод, и мы уверены, что Россия может защищать свободы и права человека, подавая пример другим странам. Именно это может вызвать рост доверия и поддержки государству. Мы по-прежнему надеемся, что изменения, внесенные в законодательство, не будут применяться для ухудшения положения граждан и жителей России и чинения им препятствий при исполнении выигранных ими решений [13], а лишь «когда Конституция РФ лучше защищает права граждан!» [4].

Литература

1. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М. : Норма, 2019. – 409 с.

---

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 2 ФЗ “О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности” в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери».

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 3.11.2020 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 5.26 КоАП РФ и п. 8 ст. 8 ФЗ “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятдесятников) “Слово жизни” Долгопрудный».

2. Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина: Всеобщая декларация прав человека и гражданина. Конвенция прав человека и основных свобод. – Одесса : Юри-дична литература, 2006. – 136 с. (Репринтное воспроизведение издания 1906 года).
3. Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав че-ловека : монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2019. – 304 с.
4. Колесников А. Перед Владимиром Путиным предстал суд. Как глава КС Валерий Зорькин выступил с оправдательной для него самого речью // Коммерсантъ. – 14.12.2015. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2877575> (дата обращения: 15.12.2015).
5. Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Котляревский С. А. Конституционное государство. Юриди-ческие предпосылки русских основных законов / под ред. и с предисл. д. ю. н., проф. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – С. 69.
6. Международная и внутригосударственная защита прав : учеб. пособие / Казан-ский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, Б-ка Уполномоченного по правам человека в Респ. Татарстан ; отв. ред. Р. М. Валеев, Р. Г. Вагизов. - Казань : Казанский гос. ун-т, 2007. – 674 с.
7. Монбриаль Т. де. Действие и система мира / пер. с фр. В. М. Володина. – М. : РОССПЭН, 2005. – 483 с.
8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 4-е изд., испр. – М. : Статут : Консультант Плюс, 2003. – 349 с.
9. Султанов А. Р. Европейский Суд по правам человека и защита от нарушений сво-боды совести в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2016. – № 1 (12). – С. 48–55.
10. Султанов А. Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 24–28.
11. Султанов А. Р. О применении судами постановлений Европейского Суда по пра-вам человека // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 42–46.
12. Султанов А. Р. Постановления Европейского Суда по правам человека в граждан-ском процессе Российской Федерации. – М. : Статут, 2020. – 318 с.
13. Султанов А. Р. Теория и практика разрешения коллизии норм в свете теории соот-ношения норм международного и национального права // Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варла-мова и др. ; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. – М. : ИД Юриспруденция, 2016. – С. 441–449.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Division of Nizhnekamskneftekhim (Nizhnekamsk)

Right as the “Most Sacred Thing God Has on Earth”

The paper explores the problem of the enforcement of the European Court of Human Rights (ECHR) judgements, taking into account the changes made by the Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No 1, as well as the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, and corresponding develop-ments in the legislation. It is worth noting that the interpretation of these changes as a rebuttal of the ECHR binding orders is erroneous.

Keywords: European Court of Human Rights; Constitutional Court of the Russian Federation; human rights; freedom of conscience; restriction of human rights and freedoms.